

Часть 1

— ...кута.

Голос.

— ...Сакута.

Кто-то зовет его?

— Сакута, уже утро.

Подождите, он знает этот детский голос. Это его сестра.

Он проснулся, резко выпрямился и сел.

— И-ип!

И сшиб Каэдэ с кровати. Она приземлилась на задницу.

— Нельзя было вскакивать помедленнее! — завопила она, поднимаясь на ноги и потирая зад. Ее щеки надулись, как у бурундука, поедающего подсолнечные семечки. Только семечки были наполнены обидой на Сакуту. — Хнгг! — пробурчала она, свирепо глядя на него.

— ...

Сакута просто сидел в постели, разинув рот, и оглядывал ее с ног до головы.

— В чем дело, Сакута? — спросила она, не в силах выдержать его молчаливый взгляд.

— Ты... Каэдэ, да?

Он и так это понял, но должен был спросить.

— А кто же еще? — непонимающе спросила она и наклонила голову набок. Ее глаза наполнились беспокойством.

— Ты видишь меня?

— О чем ты вообще говоришь?

Теперь она выглядела еще более растерянной и нахмурила брови. Но тут раздался другой голос.

— Каэдэ, он уже встал?

Он уже слышал этот голос из коридора, но прошло какое-то время, прежде чем он понял, что это голос матери. Он растерялся еще больше.

— Что за?..

Мысли переполнили его голову.

Что происходит?

— Каэдэ! — снова позвала мать.

— Встал, но он не в себе! — заявила Каэдэ и, шлепая тапочками, вышла из комнаты.

Она оставила его со столькими вопросами.

А пока он встал с кровати и оглядел комнату.

Это была не его комната, и все же... она явно принадлежала ему. Это не квартира в Фудзисаве. Она больше напоминала дом в Йокогаме, где они жили, пока он не закончил среднюю школу. Это точно было то самое место.

Кровать с деревянной рамой, которая скрипела, когда он ворочался. Стол почти такого же цвета. Занавески цвета морской волны, выцветшие на солнце. Серый ковер с жестким ворсом на полу.

Простыни и наволочки были другими, но все остальное оставалось как в воспоминаниях. Даже мебель стояла так же, как и в прежние времена.

Словно он совершил путешествие по дорожке памяти.

Но он точно не предавался ностальгии.

Как это возможно?

Он был слишком озадачен таким поворотом событий, чтобы чувствовать что-то еще.

Все было неправильно.

Последнее, что он помнил, была поездка на Энодэн. Он сел в поезд на Шичиригахаме вместе с девочкой, похожей на Май. Это он помнил точно.

Больше видеть его никто не мог. Собственная мать забыла о его существовании. А он и не заметил. Он просто жил своей жизнью, как будто все было хорошо. А правда сильно ударила по нему.

Он был подавлен...

Но новый поворот слишком озадачивал, и у него не было времени жалеть себя.

Что вообще происходило?

Был ли он во сне?

Это многое бы объяснило, но на сон похоже не было. Все слишком реально. Он чувствовал ветерок на коже, ощущал все запахи. Быть не может, что это сон. Но что же еще?

Его мысли ходили по кругу.

И пока он заикливался на первом вопросе, Каэдэ позвала снова.

— Сакута! Поторопись! — Она снова стояла в дверях. — Завтрак готов!

Она вошла, схватила его за руку, потянула. Это ощущение было слишком реальным, и ему пришлось полностью отказаться от теории сна.

Все еще перебирая мысли, он последовал за Каэдэ. Она потянула его к длинному обеденному столу, уставленному едой. Тосты, яйца, салат. Еще мать принесла тарелку с крокетами, которые разогрела в микроволновке. Остатки со вчерашнего вечера.

Отец уже сидел за столом, Каэдэ села напротив него. Сакута уселся на место рядом с ней, а мать заняла последний стул.

Все сидели там же, где раньше. Как раньше. Стол и стулья были точно такими, какими он их помнил. Его спина и зад точно знали, как эти стулья ощущаются.

— Пора поесть, — сказала мать, сложив ладони вместе.

— Отлично, — поддакнули Каэдэ и отец.

— Ага, — тихо согласился Сакута.

— Мама, я хочу сделать сэндвич с крокетами! — объявила Каэдэ.

Мать взяла поджаренный хлеб, положила в середину целый крокет и протянула Каэдэ. Та широко открыла рот и откусила большой кусок.

Отец читал газету на планшете, потягивая из чашки дымящийся кофе.

— Дорогой, мы завтракаем, — сказала мать, с неприязнью глядя на назойливое устройство. Отец быстро выключил его.

— Папу отругали! — сказала Каэдэ.

Отец рассмеялся. Как будто даже это было весело. Все наслаждались совместным утром.

А Сакута просто глядел за всеми, как наблюдатель во сне, и знал, что это не сон.

Чувства говорили ему об этом.

Он прекрасно знал, что все происходит на самом деле.

На это указывал запах кофе и ощущение масла, тающего на тосте. Такое могло быть только в реальности.

Когда он уставился на свой тост, забыв откусить, мать спросила:

— Что случилось, Сакута?

— Хм-м?..

Он поднял голову. Мать сидела прямо напротив него, и их глаза встретились. Она сделала глоток кофе, в котором было много молока, и сказала:

— О, как вкусно.

Она смотрела на него. Явно воспринимала. Видела.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да, я в порядке...

Сакута опустил глаза, избегая взгляда матери.

— Сакута, ты все еще в отключке? — поддела Каэдэ.

— Лучше ешь, а то опоздаешь, — добавила мать.

— Опоздаю? Сейчас только семь, — сказал он. Часы показывали 7:10.

— Ух, ты точно не в себе, — засмеялась мать. — Ты ведь уходишь в половину, верно?

Это должно было означать семь тридцать.

— Ну, вроде? — протянул он.

Если это действительно была их старая квартира, то они находились в Йокогаме, довольно далеко от кромки воды. И под опозданием они, должно быть, имели в виду школу... так в какую же именно школу он собирался идти?

— Твоя школа так далеко.

— Разве?

— Минегахары здесь и близко нет!

Сакута почувствовал некоторое облегчение, услышав это название. Все остальное было окутано тайной, но по крайней мере он знал, в какой школе учиться. И она была той же.

— Ты пойдешь туда в апреле, Каэдэ, — сказал отец. — Убедись, что подготовилась.

Подождите, Каэдэ тоже поступила туда? Правда?

Очевидно, да.

— Надо было выбрать место поближе...

Каэдэ еще ни разу не ездила туда, а голос уже звучал устало.

Сакута не нашелся, что ответить. Все было слишком по-другому. Но кое-что не изменилось. Если он все еще собирался в Минегахару...

Тогда по крайней мере некоторые факты соответствовали тому, что он знал. Но все же различия перевешивали. С матерью явно все было хорошо. Она могла видеть Сакуту, они жили все вместе. То же самое касалось Каэдэ.

Все четверо были здесь. Вместе за столом, вместе завтракают.

Здесь было все, что он потерял.

Он мог так сказать, но понятия не имел, почему это происходит и что все это значит.

— Серьезно, Сакута, ты в порядке?

Он снова перестал есть, и, похоже, мать начала беспокоиться.

— Я же сказал, что все в порядке...

Сакута запихнул в рот тост, запил его молоком и умял яйцо в два укуса.

— Спасибо, — сказал он и встал.

В своей комнате он открыл дверцы шкафа. На вешалке висела форма Минегахары.

Он стянул с себя пижамные штаны, в которых спал, и увидел шрам на животе. Белый след, идущий вдоль бока. Он все еще был с ним. Таким, каким он его помнил.

— Значит, это все еще продолжается.

Иронично. Рана, которую он не понимал, казалась ему якорем реальности посреди этой запутанной ситуации.

Он надел школьные брюки и застегнул пуговицы на рубашке. Затем надел блейзер, еще раз проверил содержимое рюкзака и был готов к выходу.

— Я ухожу, — предупредил он.

Остальные все еще сидели за столом.

— О! Сакута, твой обед! — сказала мать, бросаясь к нему.

Он уже обулся и взял ланч-бокс из ее рук.

— Спасибо, — сказал он. Это вышло естественно, но мать выглядела удивленной. — Что? — не понял он.

— Ты почти никогда не благодаришь меня.

— Правда?

Он отвел взгляд. Неужели он что-то напутал? Но мать, казалось, восприняла это как смущение, и ее улыбка стала по-настоящему широкой.

— Э-э, я лучше пойду.

— Береги себя.

— О! Сакута, до свидания! — воскликнула Казэдэ. Она подошла к двери, держа на руках Насуно.

Сакута помахал всем рукой и ушел, направившись вниз по лестнице. Все это было так странно.

Выйдя из здания, он обернулся и посмотрел на него снизу вверх. Пять этажей монолитного бетона. Квадратное здание с одинаковыми балконами. Точно такое же, каким он его помнил.

Это определенно было то место, где они жили до третьего класса средней школы. Тот же тихий район.

После окончания строительства прошло немало времени, и асфальт под ногами выцвел. Но вязы вдоль дороги прекрасно разрослись.

Парковка у здания. Заплаты на ямах. Потрепанные машины, велосипеды, настолько старые и ржавые, что трудно поверить, будто ими кто-то пользуется.

Все в точности как в воспоминаниях.

— Одно за другим...

Март был слишком напряженным.

Девушка, похожая на Май, шрам на боку, никто не мог его видеть... и вот теперь это.

«Подростковый синдром» явно не давал ему покоя.

— Дайте мне передохнуть.

Он заслужил право на ворчание.

— Передохнуть от чего?

Сакута подскочил. Он думал, что был один, и повернулся в сторону голоса.

Это была одноклассница Каэдэ, Котоми Кано.

На ней были спортивные штаны и футболка с длинными рукавами. Заметив, что он рассматривает ее, она покраснела и стала оправдываться.

— Я выносила мусор и не думала, что столкнусь с тобой. Я обычно не выхожу на улицу в такой одежде, честное слово.

— Что ж, молодец, что помогаешь по хозяйству, — сказал он.

— Ты думаешь, мне все еще двенадцать? — сказала Котоми, глядя на него поджав губы.

— Извини, правда.

— Все нормально.

Она все еще немного дулась. Очевидно, не все было в порядке.

— Ах, да, Кано...

— Да?

Пытаясь сменить тему, он решил задать вопрос, и она почти сразу переключилась на

«серьезный» режим.

— Насчет Каэдэ.

— И что насчет Каэ?

— Про хулиганов...

Он должен выразиться расплывчато. Сейчас он не был уверен в том, что именно произошло.

— С тех пор ничего не случилось, — улыбнулась Котоми. — У нее есть шанс закончить школу.

— Правда?

— Да. Все благодаря тебе.

— Ха.

И что же он сделал?

— Признаюсь, оккупировать кабину для трансляции было круто.

— О, точно.

Конечно, перестраховался он так себе. Оккупировать — это многозначное слово.

— Каэ иногда упоминает об этом. «Слава богу, что Сакута мой брат».

— И она просила не говорить мне?

— Так что не смей сообщать ей, что я это сделала.

Она бросила неубедительный взгляд, а потом засмеялась. Для серьезной девушки она выглядела довольно забавно.

— Как у тебя со временем? Не хочу, чтобы ты из-за меня опоздал.

Она развернулась и скрылась в доме, прежде чем он успел сказать что-нибудь еще.

Нельзя опаздывать, тем более что подруга его сестры напомнила об этом. Ему еще о многом хотелось спросить, но он направился к станции, обдумывая все на ходу.

Он сел в переполненный утренний поезд и добрался до Фудзисавы чуть позже восьми. Вышел из ворот линии Одакю-Эносима и с облегчением увидел, что вся станция выглядит знакомо. Именно здесь он всегда оказывался по утрам, поэтому чувствовал себя как дома.

Но это не был его пункт назначения. Чтобы попасть в Минегахару, ему нужно пересесть на Энодэн.

Он поднялся по лестнице на мостик перехода.

В этот момент кто-то окликнул его по имени. Путь преградила светловолосая девушка его возраста. Нодока.

— Йоу, — сказал он, не зная, какие у них здесь отношения.

— Почему ты ведешь себя странно? — прорычала Нодока, почувствовав его неоднозначное отношение.

— Я решил, что на меня напали.

— О ради бога!

— Весь твой вид просто кричит: «Хулиганка».

— Это не так!

Что-то новенькое для Сакуты. Но, справедливости ради, он уже давно не видел, чтобы какой-нибудь придурак, тыча пальцем в переулке, требовал: «Гони свой бумажник». Возможно, это была просто городская легенда.

— Ты не в школу, Тоёхама? — спросил он. На ней не было формы.

— Мне нужно попасть на фотосессию для обложки, так что сегодня меня не будет. А-а-а, пора на поезд, увидимся позже.

С этими словами она повернулась и убежала.

— О, подожди! — крикнул он, но она даже не обернулась, исчезнув в воротах JR. — Я еще хотел спросить...

Так ему стало ясно, что он знает Нодоку в этом мире.

Но он упустил шанс задать главный вопрос.

Спросить о Май.

Если он знал Нодоку, то почти наверняка общался с Май. Но он должен узнать, встречаются ли они до сих пор.

Это было критически важно.

Но разнюхать что-то у Нодоки не было смысла. Да и на поезд уже пора. Он поспешил к платформе Энодэн.

На выходе из ворот он увидел поезд, готовящийся к отправлению. Раздался предупредительный сигнал, поэтому Сакута вскочил в двери ближайшего вагона. Если опоздать на этот поезд, то до школы вовремя не добраться.

Двери закрылись, и поезд тронулся. Медленно, но верно они отправились в путь. Ритм покачивания поезда захватил тело, а звуки стука колес были музыкой для ушей.

Сакута ездил по линии Энодэн почти каждый день.

Это утро было более чем странным. Особенно странным было то, что он по-прежнему жил в Йокогаме с родителями и Каэдэ.

Судя по словам Котоми, все шло как обычно, пока над Каэдэ не начали издеваться. Вот тут-то все и разошлось.

В этом мире травля почему-то не расколола его семью. Сакута нашел способ это предотвратить. По-видимому, оккупировав радиостанцию.

И мать не потеряла уверенность в своих родительских способностях, не пережила нервный срыв, не попала в больницу.

Таков был мир, в котором он оказался.

— Это кажется таким надуманным...

Он пытался отвергнуть эту идею, но не мог придумать другого объяснения. Он должен принять правду. Но это было не так просто, как сказать: «Хорошо, окей, круто».

Поэтому всю дорогу до Шичиригахамы он провел в раздумьях. Но мысли не привели его ни к каким альтернативам.

На станции из поезда хлынул поток учеников в одинаковой униформе. Сакута был в этой толпе.

Когда он направился к выходу, из вагона перед ним показалось знакомое лицо. Невысокая девушка с короткими встрепанными волосами.

Увидев Сакуту, она подняла бровь, отвернула лицо, но остановилась рядом с ним.

— Доброе утро, сэмпай.

— Доброе утро.

Очевидно, он все еще дружил с Томозэ.

— ...

— ...

Когда он просто безмолвно уставился на нее, она недовольно посмотрела в ответ и спросила:

— И это все?

— Ты бы предпочла приветствие «ты сегодня снова милашка»?

— Я... Я не это имела в виду!

Ее спина напряглась, когда она агрессивно наклонилась вперед, протестуя каждым сантиметром своего тела.

— Тогда что?

— Ты всегда несешь какую-то ерунду, поэтому я подумала, вдруг заболел.

Странное мерило для беспокойства. Он сомневался, как к этому относиться. Но если она беспокоилась, ему следовало поблагодарить ее.

— Ну, спасибо, — отшутился он.

— Ты так не думаешь!

Это не его вина. Но он сказал правильные слова, так что ему зачтется.

— И у тебя есть девушка, ты не имеешь права называть других девушек милашками. Сакурадзима намного симпатичнее, так что это даже звучит неправдоподобно.

Она пробормотала себе под нос целый список претензий. Достаточно громко, чтобы он мог услышать.

— Ну, это же моя Май.

Звучало так, будто он встречается с Май. Это было огромным облегчением.

Но из-за этого все стало казаться слишком идеальным. Все было именно так, как он хотел.

Они покинули станцию.

— О, Нана! — сказала Томоэ, глядя на кого-то в десяти метрах впереди.

Сакута поднял голову и увидел подругу Томоэ — Нану Йонеяму.

— Увидимся вечером.

— Зачем?

Разве он договаривался о встрече?

— Для работы. У тебя смена.

— Я знаю, — сказал он, явно солгав.

— Ты работаешь с четырех. Если забудешь, босс будет в ярости!

Она махнула рукой и побежала догонять Нану. Поравнявшись, она сказала: «Доброе утро!», и Нана ответила ей улыбкой. Они разговаривали и смеялись.

Это было счастливое, мирное утро.

Все вели себя нормально. Общались с друзьями, прикалывались, мальчишки валяли дурака.

Сакута был единственным, кто наблюдал за происходящим. Все остальные просто жили.

За школьными воротами все оставалось в норме. Никто, казалось, не сомневался в природе мира, и все знали, что он здесь.

Когда он доставал сменную обувь из шкафчика, его поприветствовал приятный голос.

Сакута поднял голову и не удивился, увидев Юму Куними, стоящего рядом в шортах и футболке.

— Упс. Сегодня утренняя тренировка?

— Да, и завтра, и послезавтра.

— И все равно ты улыбаешься.

Этот парень всегда улыбался несмотря ни на что.

Они переобулись и неторопливо пошли.

— Сакута, ты сегодня работаешь?

— Да.

— С какого часа?

— Кажется, с четырех.

— Это тебе кто-то напомнил?

— Мне рассказала Кога.

— Ну ты даешь!

Болтая, они поднялись по лестнице в классную комнату второго года. Их разговор не был совсем уж бессмысленным, но и полезным его не назвать.

Когда они свернули на лестничную площадку, раздался голос:

— Азусагава.

Заинтересовавшись, кто его зовет, Сакута обернулся. Сам по себе голос не показался знакомым.

— Эм... — растерянно произнес он.

Он не узнал девушку на лестнице внизу.

Она была ростом метр шестьдесят, с иссиня-черными волосами. Не похоже, что она когда-либо красила их. Они были подстрижены ровно настолько, чтобы касаться плеч. Юбка длиннее средней — то есть просто нормальной длины. Ни одна деталь формы не была лишней, прямо образец из школьной брошюры. Благодаря этому она выглядела по-деловому. Ее глаза смотрели на Сакуту сквозь очки в тонкой оправе.

— Ты сегодня дежуришь, — сказала она, медленно поднимаясь. — Вот.

Она протянула ему классный журнал.

Он мог отреагировать только одним способом: взять журнал у нее из рук.

— Спасибо, — сказал он.

Она выглядела крайне неуловимой.

— Сейчас прозвенит звонок, — сказала она и побежала вверх по лестнице, затем исчезла за углом.

— Э-э, Куними...

— М-м?

— Кто это?

— А? Акаги из твоего класса. Зовут... Икуми, кажется?

— Да?

— Боже правый, дружище. У тебя все в порядке? Ты говорил, что вы даже ходили вместе в среднюю школу!

— А, ну да.

Сакута поразился, но постарался не показать этого.

— У тебя мозги набекрень, Сакута.

— Я всегда такой.

Прежде чем Юма продолжил, Сакута направился в класс. Теперь его мысли были полностью сосредоточены на этой девушке, Икуми Акаги.

Ее не было в Минегахаре, которую он знал.

Сакута сдавал экзамены здесь, чтобы найти школу поближе к своему старому дому. Проблема Каэдэ с хулиганами разрушила многое — он потерял всех своих старых друзей.

Он специально выбрал эту школу, потому что никто из его средней школы здесь не учился.

Но в этом загадочном новом мире кто-то был. И даже в его классе.

Икуми Акаги.

Он снова прокрутил в голове это имя.

Он был почти уверен, что в свое время она училась с ним в одном классе.

На третьем году. Вероятно, она была старостой класса или членом дисциплинарного комитета, что-то в этом роде.

Не из тех, кто тусуется с парнями. Честно говоря, она казалась немного взвинченной при обычном разговоре с ними. Она не оказывалась в центре внимания, и, возможно, именно поэтому он вообще ее запомнил. Как-то так.

— Сакута, — серьезно сказал Юма. — Ты знаешь, что Акаги...

Ему было неловко говорить об этом, и в итоге он замолчал.

— Что?

— Ну, если ты не знаешь, лучше и не говорить.

— Хм?

Прозвенел звонок.

— Упс, пора идти. Пока.

Юма побежал в сторону своего класса. Сакута смотрел ему вслед.

— Неужели это эффект бабочки? — пробормотал он.

Возможно, если бы он все еще жил со своей семьей, то бывшие одноклассники присоединились бы к нему в Минегахаре.

Часть 2

По большей части в 2-1 остались те же лица.

Это был тот класс, который знал Сакута.

Отличие заключалось лишь в Икуми Акаги.

Положение Сакуты тоже не поднялось. Девушка Юмы, Саки Камисато, все еще имела на него зуб, а остальные обычно держались на расстоянии.

За первые несколько часов он понял, почему.

Все это было связано с госпитализацией в младшей школе. По правде говоря, Котоми

упомянула об оккупации кабинки для трансляции, но история раздулась до того, что он отправил в больницу учительницу. Вся школа знала об этом. Вероятно.

Поэтому он оказался в изоляции, и большинство одноклассников не стремились с ним общаться. Поскольку в этом новом мире ему было трудно найти общий язык с кем бы то ни было, остаться одному выходило не так уж плохо. Но все же...

Так он мог избежать некоторых мелких неприятностей, в то время как более серьезная проблема маячила над головой. Просто прийти в школу оказалось недостаточно для поиска ответа, что с ним случилось, и даже не дало никаких зацепок.

Очевидно, что одному с этим не справиться, поэтому, как только закончился четвертый урок, он направился в научную лабораторию.

Если он все еще дружил с Томоз и Юмой, то можно с уверенностью предположить, что он все еще знает Рио.

Это предположение оказалось верным.

Он занял место напротив нее за лабораторным столом, достал обед, который дала ему мама, и начал рассказывать всю историю.

Маленькая девочка, похожая на Май.

Загадочный шрам.

Мир, в котором он жил, такой же, как этот, но немного другой.

Как они поехали к матери впервые за несколько лет.

И как на следующий день его никто не замечал.

И, наконец, как он снова встретил мини-Май и в следующий момент проснулся в другом мире.

Он рассказал ей все.

И попросил помочь разобраться в этом.

Ему нужно было экспертное мнение Рио. Это был его единственный путь к спасению.

Она доела харусаме быстрого приготовления и сделала глоток кофе.

— Поговори с психологом, — предложила она.

— Я не болен.

— Единственный разумный вывод — ты окончательно сошел с ума.

— Клянусь, это правда.

Он положил руку на сердце, и затем доел последний куриный наггетс. Приправа из соевого соуса пришлась как нельзя кстати.

— Даже если все это правда... в одном ты прав.

— В чем?

— Ты жил в мире, основанном на одной возможности, и переключился на другую.

Она достала Волшебный маркер и написала А и Б на паре мензурок, затем поставила их на стол. В мензурке А была стеклянная палочка для помешивания, но она переложила ее в колбу Б. Каждая емкость была миром, а Сакута - мешалкой.

— Слушай, знаю, это я пришел к тебе, но не сошла ли с ума ты сама?

Ее объяснение, конечно, звучало безумно.

— Это всего лишь предположение, основанное исключительно на гипотезе, что твой лепет окажется правдой. Оно разрешает все сомнения.

И это точно звучало так, как будто это не так.

— Есть квантовое объяснение всех возможных миров, существующих рядом, включая прошлое и будущее.

— Но я думал, что обычно ты не замечаешь этого.

Так объяснила Рио из другого мира.

— Они существуют бок о бок, но незаметно. Даже если бы мы могли их видеть, наш разум, естественно, отверг бы это. Вот как это обычно работает.

На слове «обычно» Рио бросила на него пристальный взгляд.

Сакута не считал себя особенным или замешанным во что-то. Но встреча с Сёко научила его кое-чему. Дала ему личный опыт.

Были миры, где он умер, и миры, где Май попала в аварию. Он знал, что такие возможности существуют.

Так что, вероятно, это тоже один из тех будущих миров, которые видела Сёко. Он существовал, потому что она видела его, а он просто был в гостях. Это имело для него смысл. Он ни за что не смог бы создать целый параллельный мир только для собственной выгоды.

— Но возможно ли возникновение множества таких потенциальных миров, существующих одновременно?

Все же было бы логичнее, если бы ему это просто приснилось. Сакута сохранил достаточно здравого смысла.

— Точнее говоря, раз ты воспринимаешь это как правду, то для тебя они существуют. Поскольку я в этом не уверена, то для меня их не существует.

Сказано ясно и последовательно. Все сводилось к этим квантовым штучкам.

— Ладно. Так как же мне вернуться?

Он схватил мешалку и положил ее обратно в мензурку А.

— Это зависит от тебя, Азусагава.

— ...

— Ты ведь уже понял.

— Да...

Он не был совсем уж глупым. Из ее слов следовало, если это был его «Подростковый синдром», то причина довольно очевидна.

Его мать.

— Футбола, что ты думаешь о своей матери?

— ?..

По ее реакции было видно, что она не ожидала такого вопроса и была искренне удивлена. Ее глаза за очками искали объяснения на его лице.

Их жизни отличались, но отношения Рио с родителями тоже были не совсем обычными. Ее отец работал в университетской больнице, и он жил и дышал политикой на рабочем месте. Мать владела бутиком и большую часть года проводила за границей, занимаясь закупками.

Рио была их единственным ребенком, и она оставалась одна в слишком большом для нее доме. Она рассказывала, что прошли годы с тех пор, как они втроем собирались за столом.

Прошлым летом изоляция доконала ее, и у нее развился собственный случай «Подросткового синдрома». Именно тогда Сакута узнал о ее семейных проблемах.

— Я думаю... — проговорила Рио, глядя на содержимое своей чашки, обдумывая, подыскивая нужные слова. — Я чувствую, что она из тех, кто отказался быть матерью.

Она сделала глоток кофе, выражение ее лица не изменилось.

Сакута, не совсем понимая смысл сказанного, ждал объяснений.

— Быть мамой означает, что твоя жизнь вращается вокруг ребенка.

В ее голосе звучала неуверенность. Это явно тоже не казалось ей правдивым.

— Звучит правдоподобно, — сказал Сакута, чувствуя то же самое. У него еще не было своих детей, поэтому он не совсем понимал, но по крайней мере у него есть идея. И эта идея совпадала с тем, что пыталась сказать Рио.

— И если дети — центр твоей жизни, то никто не называет тебя по имени.

— Что это значит?

— Твою маму называют «мама Сакуты» или «мама Каэдэ».

— О...

Это имело смысл.

— А моя... просто не могла смириться с тем, что она «мама Рио». Мое воспитание никогда не было центром ее жизни. Думаю, лучше сказать, что она никогда не позволяла мне мешать ей делать то, что она хотела.

Она тщательно подбирала слова, как будто речь шла о незнакомом человеке. Но, говоря объективно, она сказала правильно. Это объясняло, что она имела в виду под «отказалась быть матерью».

— И я думаю, это один из способов жить.

— Ты смирилась с этим?

— Вы с Куними помогли мне прийти к этому.

Это чувство было не в полной мере смирением. Стрелка склонялась к принятию, к пониманию. Не до конца, но она явно была на пути к решению проблемы.

— Скорее он, чем я, — отметил Сакута.

Рио пристально смотрела на него. Он сделал вид, что не замечает этого, и избегал ее взгляда.

— Но это действительно твой выбор, Азусагава.

— Какой выбор?

— Ты собираешься делать то, что делаешь всегда? Вернуться в тот мир и разобраться во всем?

— Это то, что я всегда делаю?

— Или ты будешь валяться, как побитый щенок, и скулить?

— Ты сегодня такая резкая.

— Судя по твоей истории, ты, по сути, сбежал. В мир, в котором тебе проще.

— Меня это немного задело, так что... будь помягче.

— Я веду себя настолько мягко, насколько ты того заслуживаешь.

— Как это?

— Ты совсем не был мягким, когда я переживала из-за Куними.

Эта причина была в стиле Рио. И он не мог с ней поспорить.

— Я думаю, тебе нужны друзья, которые надерут твою задницу, когда она в этом нуждается.

Его новый жизненный девиз.

Судя по тому, как она это сказала, у него действительно не было выбора.

Затем он услышал тихое гудение. Рио проигнорировала его, потягивая кофе.

Полагая, что она не заметила, он сказал:

— Футаба, у тебя звонит телефон.

— Не мой. Твой.

— А?

— Там.

Она вытащила палочку для помешивания из мензурки и указала на его сумку.

Там из кармана торчал телефон и вибрировал.

— Серьезно?

Очевидно, в этом мире у него был телефон. С тех пор как он спас Каэдэ от хулиганов, у него не было причин выбрасывать мобильник в океан.

А на экране светилось имя Май.

— Алло, это твой Сакута.

— Бери трубку быстрее.

Вряд ли стоило понапрасну трепать языком, но это было очень приятно, так что он уже чувствовал себя в безопасности от одного разговора с ней. Это его здорово взбодрило, словно ожили все клетки тела.

— Ты не могла ждать лишней секунды, лишь бы услышать мой голос?

— Именно.

Он уже давно надеялся пошутить на эту тему, но Май просто взяла и признала это. За ее ответом скрывалась довольная усмешка, как будто она подразнивала его. Это была та же Май, которую он знал и любил. Вчера он весь день мечтал увидеть ее снова, и вот она была на другом конце линии.

— Сакута, чем ты сейчас занимаешься?

— Обедаю в научной лаборатории.

— Это все, чем ты там занят?

— Тут предоставляют кофе. Очень рекомендую.

Рио как раз насыпала растворимый кофе в кипяток. Прозрачная жидкость сразу стала коричневой, затем черной.

— Ты говорил, что у тебя сегодня работа?

— Да.

— Во сколько?

— Я начинаю в четыре.

Он взглянул на часы над доской: было без пятнадцати час. Дорога от школы до ресторана занимала всего полчаса, ему не стоило торопиться.

— Придешь до этого времени?

— Куда?

— Ко мне.

— Если ты пообещаешь, что мы сможем пофлиртовать.

— Я буду помогать тебе готовиться к следующему году.

— Я могу рассмотреть это предложение, если ты наденешь наряд девочки-зайки.

— Я выкинула эту штуку.

— Оу. Как жаль.

Вот это поворот. Очевидно, в этом мире костюм оказался не в его шкафу. Поскольку он не жил напротив, такая возможность ему так и не представилась. Какая трагедия.

— Так ты придешь или нет?

— Мне нужно кое-что обсудить с Футабой, так что скорее нет.

— О? — Она была удивлена.

Рио, сидящая за столом, выглядела не менее потрясенной. Ее глаза слегка приоткрылись, и она смотрела на него так, как смотрят на диковинное животное. Он почти слышал, как она думает: «Отказаться от Май? Вот негодай!»

— Прости, Май.

— За это не стоит извиняться.

— Тогда спасибо.

— Я не сделала ничего такого, что стоило бы благодарности.

— Но я люблю тебя.

— Я знаю.

— Больше всех.

— Я вешаю трубку.

Он наяву видел, как она покачала головой, слегка покраснев. И она действительно отключилась.

Сакута положил телефон обратно в рюкзак.

— Ты лжец в любом мире, Азусагава, — сказала Рио.

Он пил кофе, который она приготовила для него. Он был растворимым, но по вкусу и запаху напоминал кофе. К колбам и мензуркам тоже привыкаешь.

— Я действительно люблю Май.

Он знал, что она говорила о другом, но притворился, что не понимает этого.

— Ну, тогда, — сказала она, — ты мог бы просто пойти на свидание с ней.

— Это поколебало бы мою решимость.

— На что?

Рио уже знала ответ. Она спрашивала только для того, чтобы ему было легче выразить это словами.

— Если я увижу здесь Май, то начну думать, что, может быть, ничего страшного, если просто найти счастье в этом мире.

Он привыкнет убегать и никогда не вернется в свой мир. Он утонет здесь, в мире без проблем.

Не самая худшая участь, но это не тот Сакута, каким он хотел быть.

Разговор с Май заставил его остро вспомнить о ней. Он почувствовал, как ему хочется броситься домой и увидеть ее снова.

Поэтому он должен идти домой. В свой настоящий дом.

К Май, которой он обещал быть вместе.

— Но как ты планируешь туда попасть? — поинтересовалась Рио. Очевидный вопрос.

— Есть идеи? — спросил он. Может быть, эмоции и были в порядке, но ему все еще не хватало ключевой информации.

— Может, ты попробуешь сделать все наоборот и отправишься на поиски ребенка, похожего на Сакурадзиму? Она привела тебя сюда, когда ты потерялся, верно?

— Наверное.

— Есть идеи, где искать?

— Может быть.

Не слишком сильная зацепка, но... он чувствовал, что если пойдет туда, то увидит ее. Он встречал эту девочку три раза. Первый раз во сне, но два других случились на пляже Шичиригахана. Да и сон, собственно, тоже.

Он не мог ничего сказать наверняка, но чувствовал, что увидит ее, если захочет. Если «Подростковый синдром» касался его... тогда она будет там.

Он убрал пустой ланч-бокс и допил кофе.

— Спасибо, — сказал он, поднимаясь с табурета.

— Азусагава.

Рио остановила его, когда он повернулся к выходу. Она смотрела на него с тревогой, но он не знал, почему.

— Что? — спросил он.

— Логика твоего потенциального «Подросткового синдрома», связанного с прыжками по мирам, имеет для меня определенный смысл. Если ты смог воспринимать альтернативный потенциальный мир единожды, то ты сможешь повторить этот процесс. Можно предположить, что шрам у тебя на животе — это результат твоего эмоционального состояния. Так было и с предыдущим.

Ее слова были понятны, но выражение лица говорило об обратном. Несомненно, ее все еще что-то беспокоило.

— Так в чем же проблема?

— В свете всего этого девушка, похожая на Сакурадзиму, никак не вписывается в рассуждение.

Сакута инстинктивно чувствовал то же самое. С ним происходили одна чертовщина за другой, поэтому естественно предположить, что они связаны между собой, но вполне возможно, что каждое событие происходило независимо. И поскольку это случилось с ним, он прекрасно это осознавал.

Слова Рио казались верными.

Ребенок не вписывался в теорию.

— Давай просто предположим, что мою любовь к Май невозможно удержать.

Это было не совсем логично. Это не убедило бы Рио. Но он решил, что лучше так, чем молчать. Его слова могли не иметь смысла, в отличие от мотивов, и это вызвало у него улыбку.

— Завтра я снова стану самим собой, — сказал он.

— Не надо обещать, а потом сразу же возвращаться за помощью.

— Ну, если я это сделаю, тебе придется просто рассмеяться мне в лицо.

Он схватил свою сумку с учебниками, попрощался, как будто они обязательно встретятся снова, и вышел из научной лаборатории.

Вероятно, он увидит Рио завтра. Этот мир — Сакуты, а этот — мир Рио. И если бы он встретил ее сам, это была бы Рио из его родного мира. Вот как все должно быть. Вот как все должно было быть.

Часть 3

Холл перед входом был пустынным. Занятия закончились утром, и в здании осталось очень мало учеников.

Он слышал крики спортсменов на поле и звуки оркестра — стандартные звуки после уроков.

Сакута не ожидал никого встретить.

Пока не обнаружил девушку, стоящую у шкафчиков для обуви.

— ...

Икуми Акаги держала в руках сменную обувь и глядела на него настороженно.

— ...

Он смотрел в ответ, ничего не говоря.

Должен ли он что-то сказать? Он точно не знал, что именно.

После секундного колебания он достал ботинки и переобулся, затем убрал сменную обувь.

— Я отнесла журнал в учительскую, — сказала Икуми, не глядя на него.

— М-м?

— Ты оставил его на подиуме.

— Разве не там он и должен лежать?

— Учитель еще весной сказал, чтобы ты отнес его вниз.

— О. Виноват. Спасибо.

— Конечно...

Ее взгляд метнулся в его сторону, а затем она повернулась и ушла. Сакута пошел следом. Он уже переоделся, поэтому задерживаться было странно.

Икуми быстро направилась к воротам, и Сакута спокойно последовал за ней.

— Похоже, ты не против, Акаги.

Ему было не по себе, когда он называл ее просто Акаги. Он почти не обращался к ней по имени еще в средней школе и, вероятно, оставил бы этот мир позади, если бы имя не вертелось у него

на языке. Но это послужит этому миру на пользу.

— Не против чего?

— Разговаривать со мной.

Остальная часть класса явно избегала его.

— Я просто знаю, что эти истории не соответствуют действительности.

Она наклонила голову и смотрела на землю под ногами. Как будто сознательно пыталась не замечать его. Ему не показалось. Возможно, она не привыкла гулять с мальчиками. Возможно, она осознавала его меньше, чем себя.

— Почему ты пошла в Минегахару?

Было много хороших государственных школ ближе к их старой школе. В Йокогаме полно школ, и недостатка в выборе не было.

Он не видел причин выбирать школу, находящуюся в часе езды от дома.

Икуми остановилась недалеко от школьных ворот. Зазвенели сигналы, и опустился шлагбаум.

— ...

Она не ответила. Он спросил что-то неловкое? Или дело было в другом: она не против поговорить с ним, но не хотела, чтобы он сам заговорил с ней?

Сакута и Икуми были единственными людьми, застрявшими на переходе в ожидании, пока проедет поезд.

— ...

— ...

Несмотря на перезвон сигналов, тишина тяготила его.

«А ты знаешь, что причина, по которой свет и этот лязгающий шум не синхронизированы, заключается в том, что поскольку они являются отдельными системами, одна все равно будет функционировать, даже если другая сломается?»

Однажды он спросил об этом Рио, когда они вместе гуляли, и она ему все объяснила. Обширная база знаний Рио распространялась и на внутреннюю работу железнодорожных переездов.

— Азусагава...

Поезд проехал мимо. Губы Икуми больше не шевелились. Словно нерешительность заставила ее замолчать. Когда поезд проехал, они так и остались сжатыми.

В конце концов перезвон колокольчиков прекратился, и шлагбаум поднялся.

— Неважно... — сказала она, глядя в сторону. — Это мой поезд, так что...

И с этими словами она побежала вперед, все быстрее направляясь к станции. Она была в отличной форме. Икуми не дала ему времени остановить ее, но он чувствовал, что это к лучшему. Возможно, она не выразила этого словами, но он уловил эмоции в ее взгляде... и услышал это громче, чем все, что она могла бы сказать.

— Так вот что Куними имел в виду сегодня утром.

Этот мир явно складывался в его пользу. Он спас сестру от издевательств, сохранил семью и все еще ездил в Минегахару, несмотря на часовую дорогу. Они с Май были вместе... а теперь еще и Икуми.

Все вместе действительно казалось фантастическим миром, созданным специально для него. Честно говоря, он не был уверен, что способен на такое.

Из-за этого казалось, что настоящий Сакута был бедствием.

Оставшись один, он продолжил путь, переходя через рельсы.

Он достал телефон из кармана рюкзака и набрал номер из списка контактов.

Вместо того чтобы повернуть к станции, он направился прямо, к пляжу внизу.

Спускаясь по пологому склону, он набрал свой домашний номер. Дом, который он покинул этим утром, где они счастливо живут вчетвером.

Он слышал вызов звонка. Раз, два, три. Никто не брал трубку.

Мать должна быть дома, а Каэдэ уже приехала на весенние каникулы. Но после пяти звонков

ответа все еще не было. Может, они ушли за покупками?

Но не успела эта мысль прийти ему в голову, как звонок оборвался.

— Что случилось, Сакута?

Мама начала разговор с вопроса. Не «привет» или что-то в этом роде — дисплей должен был подсказать ей, что это он.

Именно поэтому он и позвонил, но ее голос все равно заставил его напрячься.

— Ничего особенного, но... — выдавил он.

— М-м.

— Я упоминал, что вернусь поздно вечером? У меня смена.

Он хотел сказать не это. Но голос матери заставил его заговорить об обычных вещах. Она вела себя нормально, так что он тоже мог.

— Ты сказал об этом прошлым вечером.

— Сказал?

— Поэтому я приготовила тебе ланч.

Он ничего не помнил, но она скорее всего решила, что он забыл, и рассмеялась. В этом не было ничего странного. Просто одна из тех мелочей, которая забавляет собеседников.

— Наверное, ты права, — сказал Сакута и сам рассмеялся, лишь отчасти напоказ.

— Ты все еще толком не проснулся? — спросила она, имея в виду его утреннее состояние.

— Похоже на то.

— Что-то еще?

У него не было реальной причины для звонка. Он просто чувствовал, что должен сказать ей что-то, прежде чем покинет этот мир. Прежде чем вернется в свой собственный. Сакуте нужно

было как следует пообщаться с матерью, от которой он сбежал.

— Я смаковал каждый кусочек обеда.

Поэтому он выбрал тему, которая была ему близка. Что-то, о чем он мог бы говорить когда угодно, но... скорее всего, никогда этого не делал.

Он добрался до подножия холма и застрял на шоссе 134 на красном светофоре прямо перед пляжем.

— Рис сегодня был слишком мягким, не так ли?

— Похоже на то.

Их семья предпочитает альденте.

[П/П: Альденте в переводе с итальянского «на зуб». Этот термин означает слегка недоваренные макаронные изделия, крупы и овощи.]

— Наверное, я добавила слишком много воды.

— Но я ел его холодным, поэтому он хорошо получился.

— Да?

— За курицу можно душу продать.

Он помнил этот вкус. Когда он сам готовил это блюдо, то всегда пытался добиться того же вкуса, как у матери, но у него никогда не получалось. Сходство было, но различия перевешивали. Он не думал, что делает это как-то иначе... но что-то было не так.

Как так получается?

— Я знаю, что ты постоянно встаешь рано, чтобы успеть приготовить. Спасибо.

Его глаза устремились на голубую воду за красным светом светофора, сфокусировались на ней.

— Серьезно, что на тебя нашло?

Она звучала озадаченной, но не в плохом смысле. Это была теплая реакция. Возможно, ей было немного не по себе от похвалы. Казалось, что она поздновато заметила эту сторону. Но, как и он, она была всего лишь человеком. Этот факт был настолько очевиден, что он должен был понять его уже давно.

— Кстати, я должна сказать то же самое тебе, Сакута.

— М-м?

— Спасибо.

Сакута не знал, что это значит.

— За?..

— За то, что ты отличный брат.

— Это как?

Он сделал вид, что не понимает, но догадаться было нетрудно.

— Ты заботишься о Каэдэ.

— ...

Он хмыкнул. Именно то, что он подумал, поэтому не мог толком ответить. Он не делал ничего подобного. Он не занимал никаких кабинок для вещания.

Этот подвиг принадлежал Сакуте этого мира.

Сам он еще не заслужил такой похвалы.

— В десять тридцать?

В разговорах с семьей можно было совершать такие скачки.

— М-м?

— Ты будешь дома?

— Примерно, да.

Смена длилась до девяти. Ему придется переодеться, ехать на нескольких поездах — будет половина десятого.

— Что приготовить для тебя?

— Остались крокеты?

— Хватит и на завтра.

В ее голосе звучала гордость.

— Ты приготовила слишком много.

Крокеты на завтрак предназначались для ужина накануне вечером.

— У нас получилось слишком много картофеля, поэтому мы просто наготовили побольше.

Вот такой она была. Все это возвращалось к нему. Каждый раз, когда она готовила карри или крокеты, ее представление о необходимом количестве продуктов вылетало в окно. Еды всегда получалось на несколько дней.

Если она готовила несколько раз подряд, то с понедельника по среду у них были крокеты, а с четверга по субботу — карри. Как мечта, ставшая явью. Жизнь, о которой он мечтал.

— Пришли мне сообщение, когда приедешь на станцию, и я быстренько их поджарю.

— Понял.

— Удачи на работе.

Разговор шел к естественному завершению.

— Эм, мам... — Сакута остановил ее.

— Да?

Ему нужно было что-то сказать. Он должен был что-то сказать. Но...

— Неважно, — сказал он, неловко рассмеявшись.

— О? Ну, тогда береги себя.

— Хорошо.

Она повесила трубку.

Его рука с телефоном затекла и опустилась. Свет светофора был по-прежнему красным. За ним простиралось безоблачное голубое небо.

Он хотел что-то сказать. Должен был сказать. Но не этой маме.

Он должен был сказать это своей маме, там, в мире, откуда он пришел.

Наконец-то загорелся зеленый свет.

Он положил телефон в рюкзак и уставился на воду перед собой.

Когда он вышел на пляж, ботинки утонули в песке. Прогуливаясь по песку, он выглядел так, будто крался. Он прошел на расстоянии около пятнадцати метров от прибоя.

Где песок только начал отсыревать.

Отсюда он мог видеть только горизонт, где небо встречалось с океаном.

Шум волн окутывал его.

Запах соли наполнял воздух.

Больше здесь не было ничего.

Он не слышал ни движения на дороге позади, ни смеха девушек из университета, резвящихся неподалеку. Шум волн и ветра защищал его.

И когда его чувства отключились, ему стало казаться, что он один в этом мире.

Тело становилось все менее реальным.

Он позволил себе насладиться этим ощущением.

— Дядя, вы опять заблудились?

Голос того же ребенка.

Она стояла рядом с ним. С тем же красным ранцем. Такая крошечная, что казалось, будто она едва удерживает равновесие из-за него.

Девочка, похожая на Май в ее детские годы.

— Я больше не заблужусь.

— Почему же?

Очень детский вопрос. Она была ребенком, так что это имело смысл.

— Я знаю, где дом, — сказал он совершенно искренне.

— Вы собираетесь туда?

— Да.

— Почему?

Ну вот опять.

— Вы могли бы остаться здесь навсегда, — добавила она, прежде чем он успел ответить.

— Да, мог бы. Это очень приятное место.

Издевательства над Каэдэ закончились до того, как оставили на ней шрамы, а мать по-прежнему была счастлива. Они жили все вместе. Сакута из этого мира также встречался с Май и жил богатой, насыщенной жизнью.

В этом не было ничего плохого. Это было все, чего он когда-либо хотел.

— Но это чересчур хорошо.

— Разве хорошо — это плохо?

— Я бы не стал заходить так далеко.

— ?..

Ее голова опустилась. Она выглядела очень смущенной.

— Все разобрались сами.

— Все?

— Май, Кога, Футаба, Тоёхама, обе Каэдэ, Макинохара и Сёко... они все справились сами.

Возможно, не в одиночку. Может быть, им помогали. Но в конце концов они пошли дальше по собственной воле. Даже если путь был нелегким. Даже если он был вымощен шипами. Они преодолели свой «Подростковый синдром», не пряча голову в песок, заглянув в глубины собственных сердец.

Вот почему...

— Я должен сам разобраться с мамой.

Не позволять кому-то другому решать за него. Не бежать в другой потенциальный мир. Решить собственными силами.

— Так что мне снова понадобится твоя помощь, — сказал он, протягивая руку.

Девочка на мгновение уставилась на него, словно решаясь. И пока он разглядывал ее, ему в голову пришла идея.

Рио сказала, что эта девочка не вписывается во все остальное, но, возможно, она была слабостью Сакуты, его внутренним ребенком.

Что-то, что он бессознательно создал, чтобы помочь себе справиться с проблемами с мамой. Она была похожа на Май, потому что так он был честнее.

У него не было никаких оснований для такого дикого утверждения.

Рио могла бы посмеяться над ним.

Но для него это имело значение.

— Вы действительно хотите домой.

— Да. Именно это я сказал.

— Но, если вы вернетесь туда, все забудут вас.

Она пристально посмотрела на него. Прекрасные глаза, словно кристаллизованная чистота. Казалось, они смотрят прямо сквозь него.

— Но я хочу вернуться.

— Уверены? — спросила она, как будто искала хоть какой-то признак сомнений.

— Уверен.

— Обещаете?

— Честное-пречестное.

Он не убегал и не отступал от этой чистоты. Он встретился с ней взглядом и удержал его, видя свое отражение в ее глазах.

— Хорошо. Тогда я помогу.

Она взяла его за руку и крепко сжала ее.

— Просто поможешь?

— Вы добрались сюда сами. Я просто сказала, что вы сможете.

Она выглядела гордой собой, но он на самом деле не понял, что она имела в виду.

Но ему и не нужно.

В любом случае это был последний раз. А раз так, может быть, им стоит поговорить о чем-

нибудь другом. Вернувшись в свой мир, когда его «Подростковый синдром» разрешится, он, вероятно, никогда больше не увидит эту девочку. И с тех пор как они встретились, он хотел ей кое-что сказать.

— Я знаю, что уже немного поздно.

— Что?

— Но я еще недостаточно взрослый, чтобы считаться «дядей».

Он сказал это так серьезно, что она громко рассмеялась. Невинный, радостный смех. Широкая улыбка во все зубы. Ее смех возвысился до небес.

И все. Сознание ускользнуло от него. В мгновение ока, словно выключили телевизор.

<http://tl.rulate.ru/book/20190/3007964>